

Личность и неудача

Думаю, не будет большим преувеличением сказать: цельная личность – почти то же самое, что неудачник. Успех личного развития и успех в современном обществе явно противоположны. Цельная личность, как известно, хочет прежде всего сохранить единство в отношениях к себе и другим, остаться верной собственным, а не снаружи навязанным мыслям. Такой характер – залог жизненной неудачи. Верность самому себе никому не нужна; неизменно велик спрос на верность другим, в нашу эпоху больших денег и маленьких людей – в особенности. Быть личностью – роскошь не для слуг; в то время как, к сожалению, нужнее всего в нынешнем обществе слуги. Отказавшись от всех и всяческих авторитетов, ценностей и святынь, демократическое общество сохранило одну власть, один предмет поклонения, один источник ценностей: *деньги*, которым оно и служит. Общество, по сравнению с прошлым, стало куда однороднее, в нем всего два (или два с половиной) класса: те, у кого деньги есть, те, у кого денег нет, и узкая переходная полоса между первыми и вторыми. Одни – хозяева, другие – слуги, третьи – слуги, которые готовятся стать хозяевами. Нет, я не социалист. Я просто не вижу в этом простом, очень простом обществе *места для человека*. Чтобы служить, личность необязательна и просто вредна. Чтобы пользоваться услугами других – тоже.

Когда в России правила социалисты, они много говорили о «развитии личности», что не мешало им, конечно, угнетать умственное развитие этой личности – вернее, формировать ее по методу уэллсовских селективов, посадив в бочку «единственно-верного мировоззрения». По форме этой бочки и развивался ум – неспособный, после такой обработки, к восприятию высшей культуры. Достаточно посмотреть, какую литературу породила социалистическая эпоха: что ни говори, ни одного имени из нее не перейдет потомству. Ни одного, в том числе из имен борцов против самой этой литературы. Но если личности был поставлен известный (и не очень высокий) потолок, то и опускаться ниже известного уровня, становиться на четвереньки ей всё же не предлагали, более того – запрещали. С уважением повторялись восторженные слова чеховского героя о прекрасном в человеке, из которых, однако, невинно вырезалось одно, но важнейшее слово – слово «душа». И надо признать, что Россия тогда не была – вопреки западному предрассудку – страной безликих и злобных роботов. Надо даже сказать ужасную вещь: если отставить в сторону излюбленные русской интеллигенцией моральные оценки, социалистическая Россия *после конца кесаризма* (1956) была обществом более здоровым, чем то, какое нам сейчас предлагают как «образцовое». В этом обществе никто не отрицал существования истин и ценностей как таковых; однако не высшие ценности в нем господствовали, но их сниженные, упрощенные, обедненные отражения, взятые из морально-утилитарных прописей старой русской интеллигенции, с добавлением религиозно понятого служения Государству – идолу на месте Бога. Этого не было у прежнего русского интеллигента; государство было ему чуждо и непонятно. За это равнодушие и расплатились его потомки, получив себе идола, требовательного и ревнивого... Но сейчас я говорю о другом: ценности того общества могли быть ложными, так как основывались отчасти на полустинах, отчасти на языческом культе государства, но они всё же существовали. Перед личностью открывался определенный путь развития (не только личного обогащения или, говоря словами той эпохи, «профессионального роста»), на котором, правда, ее стерегло неизбежное столкновение с государством, его верованиями и моралью – поскольку никакой области, свободной от государственного вмешательства, в революционной России не было. Не было *культуры* – области, которую можно было бы назвать домом всякой высоко поднявшейся личности. Вместо нее была насаждаемая попечительными усилиями государства *образованность*, в основном – техническая, что совершенно не то же самое...

Ни этих попечительных усилий, ни тех ценностей теперь нет. Всё упразднено революцией 1991 года. Было ли это неизбежно? Я сомневаюсь. Деятели 91 года могли пойти и по иному пути. У них, собственно говоря, было три возможности. Первая – сохранить преемственность с прежним порядком и продолжить его дела (более или менее осторожные реформы). Вторая – разорвать с революционной традицией и возглавить консервативный поворот, то есть возвращение к национальным святыням и ценностям, погубленным

революцией 1917. И третья, самая опасная – начать новую революцию, на этот раз – либерального характера. Под несомненным давлением со стороны Запада, по несомненной склонности русской интеллигенции ко всему либеральному, да еще и в силу исключительно русского понимания *либерализма как беззакония*, они выбрали третий путь: путь к обществу, из которого изгнано само понятие нормы. На место умственной, нравственной, культурной нормы в этом обществе стал успех, в погоне за которым, как я уже сказал в начале, личность – только ненужная, замедляющая бег помеха. Ссылка на западный образец – единственное, на все случаи подходящее спасительное оправдание современной русской власти – ничего не значит. То, что и там личность поставлена в узкие, теснейшие рамки «профессиональной деятельности» в погоне за успехом, говорит только о том, насколько далеко Запад ушел от собственных идеалов свободного и высокого личного развития...

Личность и неудача связаны в современном обществе теснейшим, самым близким образом. Где есть одна, там нет другой. И повинна в этом либеральная мечта – мечта об освобождении человека от норм и идеалов, о свободном труде ради неограниченно растущих прибылей, о мире без запретов и ограничений. Все эти вещи, против которых восставал – в конечном счете, успешно – либерализм, оказались формой, ограничением, пределом, без которого нет самой вещи, им ограничиваемой: нет личности. «Освободить, лишив пределов и ограничений» – значит убить. Так смерть освобождает душу от ее земного предела. Так либеральная мечта освободила личность.